

Галина Сырица

Внутренняя форма фразеологизмов: коннотативный аспект

Коннотативный фон фразеологизмов в значительной степени определяется их внутренней формой. Внутренняя форма связана с прототипической ситуацией, которая легла в основу фразеологизма, при этом часто она получает образное осмысление. Н.Ф. Алефиренко пишет, что «содержание внутренней формы составляют те смысловые элементы лексической и грамматической семантики знака-прототипа, которые послужили ее генетическим источником. Ср.: *лить воду на мельницу чью, кого* – «косвенно помогать, содействовать кому-л. своими поступками, доводами»; *держат под своим крылышком кого* – «опекать, оберегать, помогать и покровительственно относиться к кому-либо»; *наводить/навести тень на плетень* – «намеренно вносить неясность, сбивать с толку». В первом случае внутренней формой служит образное представление о «механизме» работы водяных мельниц, во втором – о заботливом отношении птиц к своим детенышам, в третьем – о теневом отражении предметов»¹.

Подобно словам, внутренняя форма фразеологизмов может быть живой и стертой, восстановление которой требует обращения к этимологическим словарям. Внутренняя форма слов не исключает их идиоматичности: она дает лишь намек на значение: *подснежник* – нечто, связанное с местонахождением под снегом, *подберезовик* – нечто, связанное с местонахождением под березой, *подстаканник* – под стаканом. Однако значимые интегральные семы «цветок», «гриб», «подставка» имплицитны. Т.Р. Кияк отмечает, что «внутренние формы являются лишь посредниками между лексическим значением и материальной языковой оболочкой», и в этом смысле значение внутренней формы не всегда помогает разгадать лексическое значение, и наоборот². Столь же идиоматичны и фразеологизмы с внутренней формой: она также дает лишь намек на значение, восстанавливая с большей или меньшей степенью наглядности образ, легший в основу фразеологизма. При этом следует отметить, что

¹ Н.Ф. Алефиренко, *Спорные проблемы семантики*, «Гнозис», Москва 2005, с. 130.

² Т.Р. Кияк, *О «внутренней форме» лексических единиц*, «Вопросы языкознания» 1987, № 3, с. 65.

«в идиомах с живой внутренней формой образная составляющая является элементом плана содержания и влияет на употребление идиомы в речи»³.

Внутренняя форма чаще всего включает в себе следующие коннотативные компоненты: образность, оценочность, экспрессивность. Живой внутренней формой обладают прежде всего фразеологические единства: она легко восстанавливается путем аппликации – наложения на свободное словосочетание. Такого рода фразеологизмы часто обладают яркой оценочностью, закрепленной уже в самом характере прототипической ситуации, которая может совпадать в разных языках или быть культурно-специфичной: *первый блин комом, мало каши ел, сесть в лужу*, в польском языке – *ruszać się, poruszać się jak mucha w smole* [SFWP] (букв.: «двигаться как муха в смоле») со значением «двигаться медленно, сонно», в латышском – *iebraukt purvā* [LFV] (букв.: «въехать в болото») – со значением «сделать что-либо, что будет иметь нежелательные последствия», в немецком – *sein eigenes Süppchen kochen* [Duden] (букв.: «варить свой собственный супчик») – со значением «преследовать свои цели, не учитывая интересы других». Идентичная внутренняя форма фразеологизмов со значением «умереть» в латышском и немецком языках: *nolikt karoti* [LFV] – (букв.: «положить ложку»), *den Löffel abgeben* [Duden] (букв.: «сдать (положить) ложку»).

Следует отметить, что фразеологизмы с одинаковой внутренней формой в разных языках могут иметь разные значения, при этом их коннотативный фон остается идентичным: фразеологизм *обрасти мохом* имеет значение «коснеть, опускаться, отставая от жизни», в немецком – *Moos ansetzen* [Duden] (букв.: «обрасти мохом») – имеет значение «стареть, дряхлеть». Фразеологизмы как единицы вторичной номинации в основе своей обладают экспрессивно-синонимическим значением, и их коннотация в структуре значения передается прежде всего с помощью сем экспрессивного характера, указывающих на большую или предельную степень проявления качества: *мухи не обидит* (ср.: «очень кроткий, добродушный»), *с гулькин нос* (ср.: «очень мало»), *как сельдей в бочке* (ср.: «очень много»). Сниженный коннотативный фон во фразеологизмах, связанных с указанием на большое количество денег, предопределен внутренней формой фразеологизмов: *денег куры не клюют*, в латышском – *naudas kā spaļu* [LFV] (букв.: «денег как костры»), в немецком – *Geld wie Heu* [Duden] (букв.: «денег как сена»).

Идентичная прототипическая ситуация, легшая в основу внутренней формы фразеологизма, часто встречается во фразеологизмах с соматическими компонентами: *как будто воды в рот набрал*, в польском – *jakby nabrać wody w usta* [SJP], в латышском – *kā ūdeni mūtē ieņēmis* [LFV]; в польском языке – *mieć pełne ręce roboty* [SJP]; в латышском – *darba pilnas rokas* [LFV] (букв.: «полные руки работы»), в немецком – *alle/ beide Hände voll zu tun haben* [DRPW] (букв.: «иметь все/обе руки полными работы») – со значением «иметь много срочной работы»; *работа горит в руках*, в польском языке – *robota pali się, paliła się w rękach* [SFWP] со значением «трудолюбивый, мастер своего дела».

³ Д.О. Добровольский, *Образная составляющая в семантике идиом*, «Вопросы языкознания» 1996, № 1, с. 91.

Соотносительная внутренняя форма во фразеологизмах с компонентом «ухо» – со значением «рассеянно, поверхностно, с неполным вниманием слушать»: *краем уха слушать*, в польском языке – *sluchać jednym uchem* [SJP] (букв.: «одним ухом слушать»), та же внутренняя форма в латышском языке: *ar vienu ausi klausīties* [LFV], в немецком языке – *mit halbem Ohre zuhören* [DRPW] (букв.: «слушать/ прислушиваться вполуха»); с компонентом «язык» – со значением «побуждать к разговору, давать возможность говорить свободно, без стеснения»: *развязать/ развязывать язык*; в польском – *rozwiązały się języki* [SFWP], в латышском – *mēle atraisās* [LFV], в немецком – *j-m die Zunge lösen* [DRPW]; *прикусить язык* («удержаться от высказывания, замолчать»), в польском – *ugryźć się w język* [SFWP], в латышском – *iekost mēlē, iekost mēli zobos* [LFV], в немецком – *sich auf die Zunge beißen* [DRPW]; с компонентом «голова» – со значением «избегать ответственности, делать вид, что проблемы не существует»: *прятать [спрятать] голову в песок*, в польском языке – *chować [schować] głowę w piasek* [SFWP], в немецком – *den Kopf in den Sand stecken* [DRPW], в основе которых лежит ложное представление о том, что страусы от страха прячут голову в песок. В латышском языке компонент «страус» входит в состав фразеологизма: *iebāž kā strauss galvu smiltīs* [LFV].

Фразеологизму *смотреть в оба* (вариант: *в оба глаза*) со значением «смотреть очень внимательно, в оба глаза» соответствует в латышском языке – *ar abām acīm* [LFV] (букв.: «двумя глазами»). В немецком языке встречаются два фразеологизма с тем же значением, образность которых строится на гиперболе: *ganz Auge sein* [DRPW] (букв.: «полностью (весь) глазом быть»), *ganz Auge und Ohr sein* [Duden] (букв.: «полностью (весь) глазом и ухом быть»). Культурно-специфичные образы, воссоздающие образ засыпающего человека, отражены во внутренней форме соотносительных по значению фразеологизмов с разными соматическими компонентами в русском и немецком языках: *клевать носом* – «опускать голову, задремав на мгновение», *kleine Augen machen* [DRPW] (букв.: «маленькие глаза делать») – «быть очень усталым, засыпать от усталости».

Антропоцентричность фразеологической картины мира, связанная с тем, что большинство фразеологизмов характеризует человека, предопределяет тот факт, что прототипическая ситуация может быть прямо или косвенно связана с человеком или проецируется на мир человека. Эквивалентные фразеологизмы в разных языках могут закреплять универсальные прототипические ситуации, отражающие народную жизнь, его трудовой опыт, который может совпадать у разных народов. Так, древний промысел рыбаков и охотников находит отражение во фразеологизмах с компонентом «сеть». В русском, польском, латышском, немецком языках есть эквивалентные фразеологизмы с идентичной внутренней формой, предопределяющей негативно-оценочный коннотативный фон. Он задан прежде всего глагольным компонентом: *попасть в сету*, в польском – *wpaść w sieci* [SJP], в латышском – *sapīties (ieskriet, iekrist) kāda tīklos* [LFV], в немецком – *j-m ins Netz gehen* [Duden]. В латышском и немецком языках есть также фразеологизмы с одинаковой внутренней формой «вовлечь (заманить) в (свои) сети»: *ievilk (ievilināt) savos tīklos kādu* [LFV] – *j-n ins Netz ziehen (locken)* [DRPW]. Негативно-оценочная коннотация

безэквивалентных фразеологизмов немецкого языка с компонентом «сеть» также определяется их внутренней формой: *sich im eigenen Netz /in den eigenen Netzen verstricken; ein Netz von Lügen um j-n spinnen* [DRPW] (букв.: «в собственной сети/сетях запутаться»; «сеть лжи вокруг кого-либо плести»). Одновременно внутренняя форма немецкого безэквивалентного фразеологизма *ohne Netz und doppelten Boden* [Duden] (букв.: «без сети и двойного дна (покрытия)») со значением «без страховки» актуализирует новые смыслы компонента «сеть»: «средство защиты». Подобная актуализация заключена в английском безэквивалентном фразеологизме *a safety net* (защитная сетка).

Идентичная прототипическая ситуация часто встречается во фразеологизмах с зоонимами. Эквивалентные фразеологизмы с зоонимическими компонентами *жить как кошка с собакой*, то же в польском языке – *żyć jak pies z kotem* [SFWP], в латышском – *kā suns ar kaķi* [LFV] в немецком – *wie Hund und Katze leben* [Duden] отражают идентичное эмпирическое наблюдение над жизнью этих животных, находящихся в постоянной вражде друг с другом. Фразеологизмы с идентичным значением могут различаться компонентным составом. Русскому фразеологизму *как свинья в апельсинах* в значении «нисколько, совершенно не понимает, не разбирается, не смыслит», где компонент «апельсины» предстает как экзотический фрукт, который не используется для корма свиньям, в латышском языке соответствуют два фразеологизма с другими компонентами: *kā cūka no saules* [LFV] (букв.: «как свинья в солнце»), *kā cūka no svētdienas* [LFV] (букв.: «как свинья в воскресенье»). Фразеологизм *как собака на сене* в значении «не пользуется сам чем-либо и другим не дает пользоваться» в латышском языке имеет расширенный состав: *kā suns uz siena kaudzes* [LFV] (букв.: «как собака на куче сена»). Внутренняя форма фразеологизма связана с указанием на то, что собака сама не ест сена и не дает его съесть другим (ср. прозрачную внутреннюю форму в соотносительном фразеологизме: *сам не дам и другому не дам*). Фразеологизм *покупать kota в мешке* со значением «приобретать, получать что-либо, не имея представления заранее о качестве приобретаемого», встречается в польском языке – *kupować kota w worku* [SFWP], в немецком – *die Katze im Sack kaufen* [Duden]. Та же образность сохраняется в латышском фразеологизме с другим зоонимическим компонентом: *pirkt cūku (sivēnu) maisā* [LFV] (букв.: «купить свинью (поросенка) в мешке»).

Одним из центральных вопросов в изучении фразеологизмов в лингвокультурном аспекте является вопрос о национально-культурной коннотации, с которой, безусловно, связана внутренняя форма. Некоторые фразеологизмы с внутренней формой заключают в себе яркий образ, при этом они могут совпадать в разных языках: *делать из мухи слона*, в польском – *zrobić z muchy słońca* [SFWP], в латышском – *izpūst (taisīt) no oda (mušas) ziloni* [LFV], в немецком – *aus einer Mücke einen Elefanten machen* [Duden]. Фразеологизмы с идентичным значением могут иметь культурно-специфичную внутреннюю форму в разных языках: *стреляный (или старый) воробей* — «о многоопытном человеке, которого трудно обмануть, провести», в латышском языке с этим же значением – *nebūt pirmoreiz ar rīpi uz jumta* [LFV] (букв.: «не первый раз быть с курительной трубкой на крыше»); *нечистый на руку* – «вороватый,

нечестный», в латышском – *gari nagi (pirksti)* (букв.: «длинные ногти (пальцы)») [LFV]; *молоко на губах не обсохло* – «о совсем молодым, неопытным человеке», в латышском – *vēl slapjš aiz ausīm* [LFV] (букв.: «еще мокрый за ушами»); *не все кому масленица*, в немецком языке – *alle Tage ist kein Sonntag* [DRPW] (букв.: «не каждый день воскресенье»); *переливать из пустого в порожнее*, в латышском – *kult tukšus salmus* [LFV] (букв.: «молотить пустую солому»); *капать на мозги* – в значении «постоянно твердить о том же, надоедать», в польском языке – *wiercić komuś dziurę w brzuchu* [SFWP] (букв.: «вертеть кому-либо дырку в животе»); *плевать в потолок* – в значении «лениться, бездельничать», в польском языке – *leżeć do góry brzuchem* [SFWP] (букв.: «лежать животом кверху»), в немецком – *Daumen/Däumchen drehen* [Duden] (букв.: «крутить (вращать) большой палец/пальчик»); *в тихом омуте черти водятся*, в польском – *cicha woda brzegi rwie* [SFB] (букв.: «тихая вода рвет берега»), в немецком – *Stille Wasser sind tief* [Duden] (букв.: «тихие воды глубоки»).

«Национально-культурная коннотация не находит отражения в традиционной системе эмоционально-экспрессивных и стилистических помет»⁴. Во фразеологической картине мира ее имеют прежде всего те фразеологизмы с внутренней формой, компонентный состав которых включает культурно-специфичную лексику. Есть особые тематические группы в компонентном составе фразеологизмов, которые предопределяют их «культурную составляющую». Это прежде всего названия бытовых реалий, кушаний, праздников, единиц измерения и др.: *щи лаптем хлебать, садиться не в свои сани, работать за медный грош, как с писаной торбой носиться, за семь верст киселя хлебать, аршином общим не измерить, семи пядей во лбу* и др. Часть этих фразеологизмов имеет стертую внутреннюю форму, т.к. включает в свой состав архаичные компоненты.

Национально-культурные коннотации обнаруживаются также во фразеологизмах с именами собственными. Фразеонимы предстают как специфичные компоненты, несущие культурную или лингвострановедческую информацию. Коннотативный фон фразеологизма *по Сеньке шапка* определяется сниженной, разговорной формой имени «Сенька» и «простотой» самого головного убора (ср. также разговорную форму имени во фразеологизме *филькина грамота*). Внутренняя форма культурно-специфичного фразеологизма с именем собственным в латышском языке *līt, kā pa Jāņiem* [LFV] (букв.: «льет как в Янов день») отражает народную примету: в Янов день (праздник Лиго) – дождливая погода. Одновременно семантику сильного дождя передают эквивалентные фразеологизмы в русском и латышском языках с прозрачной внутренней формой: *льет как из ведра, gāzt kā ar spaiņiem* [LFV]; соотносительным является немецкий фразеологизм *es gießt wie aus Kannen* [Duden] (букв.: «льет как из кувшинов»). Внутренняя форма фразеологизмов с топонимами часто является стертой, предполагает знание лингвострановедческой информации: *во всю Ивановскую, как швед под Полтавой, как Мамай прошел* и др. Фразеологизмы могут включать культурно значимые топонимы

⁴ Г.С. Сырица, *К вопросу о национально-культурной коннотации*, [в:] *Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Сборник научных статей*, ч. I, РУДН, Москва 2011, с. 392.

и иметь идентичное значение в разных языках: *exatъ в Тулу со своим самоваром*, в немецком языке – *Wasser ins Meer (in den Rhein, in die Elbe) tragen* (букв.: «воду в море (в Рейн, в Эльбу носить») [DRPW].

Культурно-специфичный характер носит внутренняя форма с фразеонимами у фразеологизмов с семантикой времени. Яркая внутренняя форма прослеживается в шутовом фразеологизме *при царе Горохе*, восходящем к сказочному сюжету, с семантикой «очень давно, в незапамятные времена», где имя царя дает широкий круг ассоциаций. В немецком языке семантика давнопрошедшего времени образно передана в шутовой форме: *als der alte Fritz noch Gefreiter war [Duden]* (букв.: «когда старый Фриц еще ефрейтором был»). Столь же яркую внутреннюю форму сохраняет вариант второй части этого фразеологизма: *[mit der Schippe] im Sand spielte [Duden]* (букв.: «с лопатой в песке играл»). Семантика давнопрошедшего времени вытекает из внутренней формы латышских фразеологизмов: *no Mozus laikiem [LFV]* (букв.: «со времен Моисея»), *no mēra laikiem [LFV]* (букв.: «со времен чумы»). Экспрессивный компонент коннотации отражает внутренняя форма безэквивалентного латышского фразеологизма *siena laiks, kā siena laikā [LFV]* (букв.: «время сенокоса, как во время сенокоса») со значением «время, когда надо много, интенсивно работать». Образное представление о тяжелой работе дает внутренняя форма латышского фразеологизма *zirga darbs [LFV]* (букв.: «лошадиная работа»).

Фразеологизмы с идентичным значением «с раннего утра до позднего вечера» имеют разную внутреннюю форму: *от зари до зари*, в латышском языке – *no saules līdz saulei [LFV]* (букв.: «от солнца до солнца»), в немецком – *von früh bis spät [Duden]* (букв.: «с раннего до позднего»). Использование компонента *солнце* в латышской фразеологии обусловлено тем, что этот космоним является частотным во фразеологии: *kā saule [LFV]* (букв.: «как солнце») в значении: «очень красивый», *saule ar zobiem [LFV]* (букв.: «солнце с зубами») – о солнечном, но очень холодном дне, *čigānu saule [LFV]* (букв.: «цыганское солнце») в значении «месяц».

Национально-культурные коннотации обнаруживаются во внутренней форме фразеологизмов, отражающих эталоны, стереотипы. Эталон указывает на проявление нормативных представлений о тех или иных свойствах предметов или реалий (ср.: эталон – образец меры, стандарт), причем значимым является указание на верхний предел меры (качества, количества). Эталонным сравнениям свойственны образность, в которой отражаются особенности мировидения народа; аксиологичность, т.к. определение меры чего-либо прямо или косвенно связано с оценкой предмета или реалии; антропоцентричность, так как эталонные сравнения являются «результатом собственно человеческого соизмерения присущих ему свойств с «нечеловеческими» свойствами, носители которых воспринимаются как эталоны свойств человека»⁵. Эталонное значение имеют прежде всего те фразеологизмы, в которых объект сравнения содержит сему, отражающую свойство реалии в ее образцовом (эталонном) виде: *мягкий как пух, сладкий как мед, холодный как лед*. Эталонные знаки могут совпадать в разных языках: *красный как свекла*,

⁵ В.Н. Телия, *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, «Языки русской культуры», Москва 1996, с. 105.

как рак, то же в польском языке – *czzerwony jak burak, jak rak* [SIP], в латышском – *kā biete, kā vēzis* [LFV], в немецком – *wie ein Krebs* [Walter]; *чист как слеза*, то же в польском языке – *czysty jak łza* [SFWP]; *быстрый как ветер* (ср. также: *лететь стрелой; лететь на крыльях*), то же в латышском языке – *kā vējš* [LFV] (ср. также: *ar vēja spārniem* – «на крыльях ветра»), в немецком – *schnell wie der Wind* [Duden], *бояться как огня*, в польском языке – *bać się jak ognia* [SFWP], в латышском – *kā no uguns (baidīties, sargāties)* [LFV]. Эталоном бледности выступает лексика семантической группы «смерть»: *бледен как смерть* (ср. также: *бледный как полотно*), то же в латышском – *bāls kā liķis (mironis)* [LFV] (букв.: «как труп, мертвец»), в немецком – *bläss wie der Tod* [Walter]. В польском языке эталоном бледности является стена: *blady jak ściana* [SFWP]. Идентичные эталонные сравнения могут иметь разный компонентный состав: *твердый как орех* – *twardy orzech do zgryzienia* [SFWP] (букв.: «твердый орех для разгрызания»).

Позитивно-оценочные коннотации определяются внутренней формой эквивалентных эталонных сравнений в русском, польском, латышском и немецком языках: *чувствовать себя как рыба в воде; czuć się [poczuć się] jak ryba w wodzie* [SFWP]; *kā zivs ūdenī (justies)* [LFV]; *sich [wohl] fühlen wie ein Fisch im Wasser* [Duden]. Идентичным эталонным знаком ценности выступает золото: *на вес золота*, в польском языке – *ktoś, coś (jest) na wagę złota* [SIP], в латышском – *zelta vērts* [LFV], *kā zelts* [LFV], в немецком – *Gold wert sein* [Duden].

Эталонные знаки могут быть культурно-специфичными: *как с гуся вода*, в латышском языке – *kā pīlei ūdens* [LFV] (букв.: «как с утки вода»); *худой как щенка*, то же в польском – *chudy jak szczapa* [SFWP], в латышском – *tievs kā diegs* [LFV] (букв.: «худой как нитка»); *быть похожим на кого-то как две капли воды*, в немецком языке – *wie ein Ei dem anderen ähnlich sein* [Duden] (букв.: «как одно яйцо похоже на другое»). Как отмечает В.Н. Телия, «у каждого народа, помимо эталонов, общих с другими народами, существует свое особое представление о «соразмерности» человека и животных, человека и растений, человека и вещей и под., и эти эталонизированные в традиционных сравнениях представления как бы «задают» образцы здоровья, красоты, глупости и т.д.»⁶ В русском языке эталонное сравнение – *здоровый как бык*, в польском *zdrów jak koń* (ср. также: *mieć końskie zdrowie, zdrów jak ryba* [SFWP] (букв.: «здоровый как конь, иметь лошадиное здоровье; здоровый как рыба»); в немецком – *gesund wie ein Fisch im Wasser* [Duden] (букв.: «здоровый как рыба в воде»), в латышском – *vesels kā rutks* [LFV] (букв.: «здоровый как редька»). Фитоним «редька» в русском языке используется в устойчивых сочетаниях *надоел как горькая редька, хуже горькой редьки*. Эталонным знаком сильного, статного мужчины в латышском языке является дуб: *kā ozols* [LFV], («как дуб»), красивой, стройной молодой женщины – липа: *kā liepa* [LFV] («как липа»). Культурно-специфичный характер носит внутренняя форма образных эталонов: *глупый как валенок* (ср. также: *глуп как сивый мерин*), в польском языке – *głupi jak but* [SFWP] *głupi jak but z lewej nogi* [SFB] (букв.: «глупый как сапог с левой ноги»), в латышском – *dumjš (stulbs, glups) kā zābaks* [LFV] (букв.: «глупый (тупой), как ботинок»). Образный эталон бедности отражен

⁶ Там же, с. 242.

в идентичных фразеологизмах *беден как церковная мышь (крыса)*, в латышском – *pliks (nabags) kā baznīcas žurka* [LFV] в польском – *biedny jak mysz kościelna* [SFWP], в немецком – *arm wie eine Kirchenmaus sein* [Duden].

Культурно-специфичные коннотации имеют фразеологизмы с рифмовками: *авось да небось, сами сусами, из грязи в князи*, в польском языке – *jeden do Sasa, drugi do lasa* [SFB] – в значении «кто в лес, кто по дрова», *robić z igły widły* [SFWP], (букв.: «делать из иголки вилы»), *co godzina, to nowina* [SFB] (букв.: «что ни час, то новость») в значении «час от часу не легче», в латышском – *gudra kā skudra* (букв.: «умна, как муравей»), в немецком – *Hinz und Kunz* (сокращенные формы имен *Heinrich u Konrad*)⁷ в значении «всякий встречный», *mit Sack und Pack* [Duden] («с мешком и его содержимым»; *Pack* – от глагола *packen*) в значении «со всем, чем человек обладает». Эти фразеологизмы включают элемент языковой игры и часто получают оттенок шутливости. В силу их специфической формы они являются уникальными лакунарными единицами и могут иметь только семантические соответствия в других языках.

Как показал анализ, внутренняя форма фразеологизмов принимает активное участие в создании не только образных, оценочных и экспрессивных компонентов коннотации, но и национально-культурных. Фразеологизмы в разных языках могут иметь идентичную внутреннюю форму, что предопределяет их идентичный коннотативный фон. Фразеологизмы с одинаковой семантикой, но разной внутренней формой имеют национально-культурные коннотации. Они ярко проявляются прежде всего у тех фразеологизмов, компонентный состав которых включает культурно-специфичную лексику, имена собственные, эталонные знаки. Культурно-специфичный характер носят фразеологизмы с рифмовками.

Литература

Алефиренко Н.Ф., *Спорные проблемы семантики*, «Гнозис», Москва 2005.

Добровольский Д.О., *Образная составляющая в семантике идиом*, «Вопросы языкознания» 1996, № 1, с. 71–93.

Кияк Т.Р., *О «внутренней форме» лексических единиц*, «Вопросы языкознания» 1987, № 3, с. 58–68.

Словарь современного русского литературного языка. В 4-х т., «Русский язык», Москва 1981.

Сырица Г.С., *К вопросу о национально-культурной коннотации*, [в:] *Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Сборник научных статей*, ч. I, РУДН, Москва 2011, с. 392–398.

Телия В.Н., *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, «Языки русской культуры», Москва 1996.

Фразеологический словарь русского языка, ред. А.И. Молотков, «Русский язык», Москва 1986.

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв., ред. А.И. Федоров, Топикал, Москва 1995.

⁷ *Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*, Duden Band 11, Dudenverlag, Mannheim–Zürich, с. 369.

DRPW – *Deutsch-Russisches Phraseologisches Wörterbuch*, Verlag Russische Sprache, Moskau 1975.

Duden – *Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*, Duden Band 11, Dudenverlag, Mannheim–Zürich.

LFV – *Latviešu frazeolōģijas vārdnīca*, „Avots”, Rīga 2000.

SJP – *Słownik języka polskiego*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2002.

SFWP – *Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2003.

SFB – *Słownik frazeologiczny z Bralczykiem*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2008.

Walter – H. Walter, *Wörterbuch sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche*, Teil 1, Hamburg 2008.

Внутренняя форма фразеологизмов: коннотативный аспект

Резюме

В работе рассматривается роль внутренней формы в создании коннотации фразеологизмов. Материалом для исследования явились фразеологизмы с внутренней формой в русском, польском, латышском, немецком языках. В работе рассмотрены фразеологизмы разных тематических и семантических групп и выявлена специфика их внутренней формы. Идентичная внутренняя форма фразеологизмов в разных языках предопределяет идентичный коннотативный фон. Живая внутренняя форма принимает активное участие в создании не только оценочных и экспрессивных компонентов коннотации, но и национально-культурных. Фразеологизмы с одинаковой семантикой могут иметь совершенно разную внутреннюю форму в разных языках. Национально-культурные коннотации имеют прежде всего те фразеологизмы, компонентный состав которых включает культурно-специфичную лексику, имена собственные, эталонные знаки, а также фразеологизмы с рифмовками.

Ключевые слова: фразеологизмы, внутренняя форма, коннотация, национально-культурная коннотация

The Inner form of Phraseological Units: Connotative Aspect

Abstract

The paper considers the role of the inner form in creating connotations of phraseological units. The material for the study were idioms with an inner form in the Russian, Polish, Latvian, German languages. The paper examines the phraseological units of different thematic and semantic groups and identifies the specificity of their inner form. The identical inner form of phraseological units in different languages predetermines an identical connotative background. Living inner form takes an active part in the creation of not only evaluative and expressive components of connotation, but also national-cultural ones. Idiom with the same semantics can have completely different inner form in different languages. National-cultural connotations are primarily those phraseological units, the component composition of which includes cultural-specific vocabulary, proper names, reference marks, as well as phraseological units with rhyming.

Key words: phraseological units, inner form, connotation, national-cultural connotation

Галина Сырица, доктор филологии, асоц. профессор
кафедры русистики и славистики
Даугавпилсского университета
Латвия

Galina Syritysa, doctor of Philology, Assoc. professor
Department of Russian and Slavic studies
Daugavpils University
Latvia
e-mail: galina.sirica@du.lv
+37 126725728